

Александр Куприн

Удод

Александр Куприн

Удод

«Public Domain»

1932

Куприн А. И.

Удод / А. И. Куприн — «Public Domain», 1932

«Над университетским ботаническим садом прошумел мгновенный, крупный, теплый, весенний дождь. Червонное зарево заката сквозь гущу ветвей бросало на свежие газоны пурпурные, фиолетовые и лимонные пятна, которые двигались, качались и трепетали. Цветущие паникадила розовых каштанов разливали свой прекрасный, почти человеческий, но греховный запах, от которого у женщин раздуваются и вздрагивают ноздри...»

Александр Куприн

Удод

Над университетским ботаническим садом прошумел мгновенный, крупный, теплый, весенний дождь. Червонное зарево заката сквозь гущу ветвей бросало на свежие газоны пурпурные, фиолетовые и лимонные пятна, которые двигались, качались и трепетали. Цветущие паникадила розовых каштанов разливали свой прекрасный, почти человеческий, но греховный запах, от которого у женщин раздуваются и вздрагивают ноздри.

Профессор Сапожников встряхнул и сложил свой зонтик.

«Уйдет ли, наконец, мой навязчивый незнакомец? – подумал он с досадой. – Или уж мне самому придется оставить привычное насиженное местечко? А жаль!»

Но незнакомец не помышлял об уходе. Короткий обильный дождь был для него, казалось, всего лишь точкой с запятой. Поставив ее, он продолжал свой монолог нудным, тонким, плачевным голосом и все в том же вычурном, патетическом стиле:

– Чудеса-то какие творятся на небе, на земле и в воздухе! Прежде, бывало, созерцаешь их, и сердце замирает от блаженной радости и от сугубой благодарности. Но ныне душа обомлела, заскорузла от ударов судьбы и уже недоступна стала высоким чувствам.

Да ведь и то сказать... Разве человеку, которого завтра поведут на виселицу или на хирургическую тяжелую операцию, – разве ему придет в голову любоваться красотами утренней зари, милым пением птишек, ароматами цветов? Ведь все его мысли совокуплены в ожидании завтрашнего ужаса...

Ну вот, итак, прошу простить меня великодушно в том, что я продолжаю мою печальную и злосчастную эпопею. Знаю я сам, отлично знаю, о покровитель угнетенных, что кому же интересны чужие вопли и стенания, когда нет на свете ни одного человека, довольного своей земной участью. Есть в русской мудрости, у русских мужиков такая умная, хотя и не очень эстетическая поговорка: «Каждому своя сопля солона», извините за грубоватое слово. Но ведь также надо войти и в положение одинокого человека, вся душа которого так переполнена обидами и неудачами и так изнывает от принудительного вечного молчания, что уж дольше терпеть ему стало не в мочь, и одно только средство от грядущего безумия – это исповедаться вслух перед умным и добрым человеком... Так не разрешите ли?

– Что ж, – согласился профессор лениво, – говорите, пожалуйста. У меня еще четверть часа свободны.

– Покорнейше вас благодарю, о ценитель драгоценных камней! И тем более ценю вашу милость, что нет у меня ни малейшего намерения разжалобить вас для цели гнусного попрошайничества. Нет, не карман мой пуст, а душа моя переполнена до отказа. А на хлеб и на ночлег денег у меня хотя и в обрез, но все-таки достаточно.

Ну вот, значит, женился я на этой девушке, на Паве. Имя-то ее настоящее было Полина, или попросту Павлина, а в уменьшительном виде Пава. Да и шло ей очень это коротенькое в четыре буквы имечко, по ее плавной походке и по ее гордой манере, хотя всего-то она была – белошвейка.

В первое-то время, пока молодоженами мы жили, нужда как-то еще не очень тяготила нас. Казалась почти незаметной и легко переносимой. Я служил регистратором в правлении юго-западных железных дорог; она бегала в свою мастерскую, неподалеку от нашей квартиры, состоявшей всего из комнаты и кухни, в полуподвале. Так себе жили, ничего себе... Я по крайней мере эти первые месяцы и до сих пор вспоминаю, как самые райские. В общем, выручали мы оба в месяц: я – тридцать два рубля с дробью, она – около двадцати, иногда чуточку больше, иногда – чуточку меньше, а все-таки – жили.

А потом пошла привычка, окончилось сладкое брачное удивление, охладились вулканические темпераменты. К тому же завелись некоторые знакомства; расширились потребности. В театр стали ходить, в цирк, в оперу, на симфонические вечера. К тому же Пава, страсть до чего похорошевшая после замужества, стала уже чересчур далеко, не по средствам нашим, франтить, финтить и кокетничать. То ей надо шляпку модную, то горжетку новую, то корсет шелковый, то ботинки лакированные. Но держала себя строго и целомудренно, а это для меня и было постоянным молчаливым, но ядовитым и непереносимым укором. Взял за себя я красивую бабу – значит, навалил на себя неудобноносимую ношу. Изворачивался я и туда и сюда, как угорь, вытащенный из воды, чтобы увеличить наш бюджет... Куда там. Чем больше человек старается, вертится, упрашивает – тем меньше судьба его слушается. Подходить к удаче надобно весело и небрежно, так: ручки в брючки, да еще посвистывать при этом, как будто ты не гнешься под тяжким грузом, а, так себе, вышел прогуляться после изысканного завтрака. Я же всегда был робким человеком и кисляем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.